

КОМИ ПИСЬМЕННОСТЬ ЭПОХИ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА ¹

Д-р филолог. наук А. С. Сидоров

Вопросы графики коми литературного языка эпохи раннего феодализма до сих пор не получили полного освещения. Причиной тому служили незначительность наличных текстов по объему, немногочисленность параллельных вариантов сохранившихся в позднейших списках документов (варианты облегчают более точное воспроизведение первоначального вида памятников), плохая сохранность графического вида памятников древнейшего времени и, кроме того, неудовлетворительное воспроизведение начертаний пермских букв первоисточников в изданиях.

В настоящее время мы обладаем новыми материалами, позволяющими осветить некоторые вопросы пермской письменности с большей полнотой. Это записи на коми языке пермскими буквами в книге «Григория Синаита сочинения», новый список «Службы» на коми языке, написанный кирилловскими буквами, найденный в Гамском с. с. Устьвымского района Коми АССР, новые материалы позднейшей тайнописи на псевдопермском алфавите. Кроме того, в нашем распоряжении находятся фотокопии с ряда памятников (миллеровско-карамзинского варианта алфавита, двух академических вариантов начертаний), а также исправленные копии с некоторых памятников на пермском алфавите, изданных Некрасовым, и вновь заснятая копия с библейского текста на иконе троицы.

В этих условиях оказалось возможным: 1) более точно прочесть ряд мест памятников пермского письма, читавшихся до настоящего времени неправильно; 2) более точно восстановить тексты кирилловского письма, искаженные переписчиками; 3) в зависимости от этих условий и на основании несколько расширившейся базы пересмотреть вопросы грамматического и лексического строя коми языка эпохи раннего феодализма; 4) начать разработку графических вопросов о

¹ Конспективное изложение содержания книги того же названия.

происхождении и источниках древней письменности коми-пермского алфавита.

Необходимо сначала остановиться на памятниках одной письменности, выдававшейся за древнепермскую, а в действительности не имевшую с ней по происхождению ничего общего.

Впервые неизвестный ранее алфавит с приложением небольшого текста, написанного на этом же алфавите, опубликовал в 50-х годах прошлого столетия палеограф Сахаров в своем альбоме «Образцы древней письменности». Текст приведен такого содержания: «Подарила сею книгою Иркуцкого города Подяческая Парасковья: Илива доч. Прозванием: Мохрова зятя своего Устюжанина: Купецкого: человека: Симана: Свинина. А подписал сию: Книгу Симан Свинин. Своею рукою а хто книгу зблагословения возмет: Или хош: Иукрадет: И буди: И натом: Божия Милост: Инаше благословение всегда Иныне Иприсно Ивовеки: веков: амин».

Эта публикация была встречена с недоверием, и исследователь Сперанский, например, допускает, что сочинение этого алфавита принадлежит самому Сахарову. В настоящее время, однако, мы имеем новые материалы по этому алфавиту, которые исключают такое предположение.

В Гамском варианте «Службы», переведенной Стефаном, имеется перечень названий пермского алфавита и таблица начертаний, причем сначала идет заглавие: «Пермской азбуки составленной в 6883 (1375) году дидаскалом их евителем Стефаном пермским», а в графе изображений «Литеры Зырянския: по русски и по зырянски». Однако эти литеры не те, которые мы знаем из документов конца XIV ст., и аналогичны сахаровским буквам.

В рукописных фондах Савvaitова мы находим целый коми-русский словарь, состоящий из 203 слов и словосочетаний, написанный в 1852 г. учащимся Петром Ермолиным. Коми слова здесь написаны на этом же незнакомом алфавите, причем на первой странице имеется надпись: «Азбука зырянская. Употребляется в России в губерниях Вологодской и Пермской, почему и прозывается зырянская или пермская: Сочинял литтеры Стефан епископ Великопермский. Мощи его почивают в Москве. 6683 года. Азбука литр».

Существовал, действительно, особый алфавит, который, однако, должен быть назван не пермским, а псевдо-пермским, так как по своим начертаниям он ничего не имеет общего с настоящим пермским алфавитом памятников эпохи раннего феодализма.

Начертания букв псевдо-пермского алфавита имеют все признаки сугубо нарочитого, кабинетного творчества. В осно-

ве изображений лежит немногочисленное количество оригинальных знаков, которые умножались при помощи перевертывания в симметричное положение вокруг одной или двух перпендикулярных осей симметрии. Так построены изображения для пар: и—о, к—л, м—н, с—т, у—я, в—п, г—ж. В пару объединяются также буквы для е—р, ц—ч. Изображение для ф примыкает к паре у—я как третий вариант. Далее, пары и—о и л—к представляются по отношению друг к другу лишь фигурами, перевернутыми вокруг оси симметрии. Характерным является то обстоятельство, что для специфических коми звуков в псевдо-пермском алфавите не имеется знаков, тогда как там наличны буквы для ф и х.

Этот алфавит, повидимому, имел распространение только среди любителей-грамотеев и купеческого сословия: широкого употребления он не получил. Появление его нужно отнести, быть может, к XVIII в.

Возвратимся к вопросам пермской письменности XIV ст.

В вопросах пермской письменности ведущее значение имеют, конечно, те памятники, которые написаны пермскими буквами и на коми языке. Из них в нашем распоряжении имеется 6 разных по объему и содержанию памятников: 2 библейских текста под иконами; вставка молитвы, алфавита и слогов в Номоканоне 1510 г.; две записи, в тексте и на обложке, в рукописной книге «Григория Синаита сочинения», относящиеся ко второй четверти XV столетия, и подпись 6-го пермского епископа Филофея под грамотой 1474 г. в требнике 1504 г., остающаяся, между прочим, неп прочитанной полностью и до настоящего времени. Общий объем их 230 слов.

Помимо указанного, мы имеем еще 4 варианта начертаний и девять вариантов названий букв пермского алфавита в качестве приложений в разных рукописных книгах русских писцов. Так как пермский алфавит был широко известен среди русских писцов и употреблялся с некоторыми изменениями в русских текстах, все эти варианты начертаний, за исключением, быть может, Кандашевского в Номоканоне, несут в себе признаки уже этого применения.

К числу признаков русского применения пермского алфавита относится, между прочим, наличие в конце алфавита как особой буквы (во всех вариантах азбуки, кроме кандашевского из Номоканона). Практика русских писцов отразилась и в названиях букв и в наличии среди них ю, как и о на месте ё.

Основными документами и в вопросах графики, поэтому, являются пермские тексты. Но и по текстам количество отдельных букв не совпадает с указанием биографа Стефана — Епифания о количестве особых «слов»-букв в перм-

ском алфавите. Биограф Стефана в своей повести говорит о 24 «словах», тогда как по текстам мы имеем 27 букв. Повидимому, варианты буквы, введенные Стефаном в пермский алфавит по образцу известных Стефану алфавитов — две буквы для у, а также две для е — считались как одно «слово». Помимо этого, во всех названиях букв нет названия для у вообще. Быть может, все огубленные гласные звуки объединялись в одном названии «во».

Что касается до высказанного мнения о последовательно применявшемся изобретателем фонематическом принципе, то оно вряд ли соответствует действительности. Вариантные буквы в некоторых случаях, возможно, отражали не столько фонематические, сколько семантико-стилистические моменты. Так, при одинаковом фонетическом положении в словах *в е р* «раб», *в е р л у* «рабу» первый согласный пишется через у первое, а в словах *в ѣ ж а* «святой», *в е р ѓ с* «муж, ангел», *в ѣ л м ѓ с ш и с* «явился», *в е л т ы д а л а н ѓ н* «небо» он пишется через у второе. Наряду с этим в *в и д з и с* «посмотрел» первый согласный пишется через у второе.

Особое значение мы наблюдаем у ѣ, и то лишь в более позднее время, в Номоканоне, где ѣ обозначало составное *й+э* (в слове *ѣн*, например). В надписях под иконами и в книге Гр. Синаита этого мы также не наблюдаем, хотя в надписях над головами фигур слово *ѣн* пишется уже через ѣ. Трудно установить здесь и отражения семантико-стилистического момента, так как через ѣ пишется и *в ѣ ж а* «святой» и *р ѣ г ы д* «скоро».

В части надстрочных знаков необходимо уточнение степени их употребления и их функций. Из большого количества надстрочных знаков в древней коми письменности употреблялись: титла, две точки и знак вария над некоторыми палатальными. Употребление титла было чаще, чем это сохранилось в памятниках кирилловского письма, но еще умеренное. Есть случаи исчезновения титла по стертости. Неучетом стертости титла и объясняется неправильное чтение прежними исследователями некоторых слов, например *в е л н ы ш* *вм.* *в е л т ы д а л а н ѓ н ы ш* «с неба». Правила употребления титла были те же, что и в славянском письме, т. е. под титлом писались слова сакраментального характера.

Необходимо ввести уточнение и в понимание употребления двух точек. В прежних исследованиях было высказано положение, что две точки ставились над заглавными гласными буквами. Это утверждение не соответствует фактическому материалу. Двумя точками отмечались все гласные, стоящие в начале слова, и все гласные, стоящие после гласной, в том

числе и й краткое. Имеется лишь один случай употребления двух точек над *ѣ* в слове *ѣшѣс* «быка» во втором слоге (не в начале слова и не после гласной), который требует особого объяснения.

Знак вария употреблялся также над палатальными свистящими *сь* и *и*, повидимому, *зь*, писавшимися через соответствующие шипящие *ш* и *ж*. В отношении надстрочного знака над *ж* для обозначения *зь* мы имеем, впрочем, не прямые, а косвенные доказательства, так как в памятниках пермской письменности нет случая употребления *зь*, кроме слова *пызь* «мука», написанного через *сь*.

Но в памятниках кирилловского письма в части материала мы имеем систематическую замену *сь* и *зь* буквами *ш* и *ж*.

Если замена *сь* буквой *ш* в пределах ряда 'глухих' звуков объяснялась не без основания графической общностью букв *сь* и *ш*, основанной на фонематической их близости, то и параллельная замена *зь* буквой *ж* в пределах соответствующего ряда звонких звуков не без основания может быть объяснена той же графической общностью *зь* и *ж* в пермских текстах. Поэтому и для выражения *зь* мы должны предполагать в коми текстах знак вария над буквой *ж*.

В связи с общностью начертаний палатальных свистящих и соответствующих шипящих необходимо отметить то, что палатальные свистящие коми языка и в настоящее время произносятся шепеляво. В аффрикатах, однако, для свистящих и шипящих мы имеем отдельные, быть может, и производные друг от друга буквы в древнем алфавите как в звонкой их паре, так, как будто, и в глухой паре.

Переходим к анализу графики пермской письменности. Высказывания по поводу происхождения и источников начертаний букв пермского алфавита имеются в самой общей форме.

Местным историком Михайловым было высказано предположение об использовании миссионером Стефаном начертаний местных родовых знаков. Позднейшие исследователи находили, что пермский алфавит составлен на основе графического материала славянских и греческих писмен. «Пермские письмена,— писал Некрасов,— можно охарактеризовать стремлением удалиться от славянских и греческих писмен при знакомстве изобретателя с письменами еврейскими».

Ближайшее изучение вопроса показало, что пермский алфавит Стефан «Храп» составил, исходя из системы русской «полусловицы» и греческой тахиграфии, получивших известность среди русских писцов XIV столетия. Она состояла либо в изменении общепринятых начертаний букв путем добавления лишних черт, либо в перевертывании в строке

буквы или ее части, либо в урезывании некоторых частей буквы. Полусловицей писались целые книги (Ватиканская псалтырь 1395 г.). Полусловица значительно сокращает письмо.

Некоторые навыки в сокращении начертаний букв дают уже письмо вязью. С точки зрения сокращения письма необходимо поставить в один ряд и письмо титлами и вязью, и письмо при помощи системы тахиграфии.

Все эти способы сокращения письма как раз успели получить сильное распространение в соответствующий исторический период в практике русских книжников и писцов.

В основе начертаний пермских букв лежат начертания славянских букв, главным образом, уставного и, отчасти, полууставного письма. В некоторых случаях можно предполагать учет начертаний букв греческого алфавита.

В составе пермского алфавита можно указать три группы знаков: 1) составленных путем изображения только части буквы, 2) составленных путем придания букве дополнительных черт, 3) составленных путем перенесения и нового комбинирования элементов букв. Одновременно с этим применялось изменение характера штрихов буквы (например, выпрямление кривых линий или, наоборот, округление прямых линий), а также изменение положения буквы или ее части.

По первому способу были установлены начертания для букв: м, к, с, р, ѓ. Ъ, ы, ж, д, н. По второму способу составлены буквы: 1, 1, и, у. По третьему: а, л, п. Некоторые буквы требуют более сложного объяснения.

С изменением звукового содержания связано изобретение буквы б. Графически связаны между собой шипящие аффрикаты с мягкими свистящими аффрикатами—д ж и д з ъ, а также т ш и ч.

Возможно, что и знак для свистящего з связан с буквой д ж.

Графический источник для группы глухих аффрикат и для ш не вполне ясен.

Для изучения лексического состава и грамматического строя имеет значение правильное чтение текстов. В этой части требуют исправления места, ранее неправильно читавшиеся. Кроме слов, находившихся под титлами, неправильно до настоящего времени читались в известных ранее памятниках еще некоторые слова. В надписи под иконой троицы два раза приводится слово ѓ и с, причем в одном случае буквы сохранились вполне отчетливо (лишь конечное с вынесено за строчку). Однако это слово в обоих случаях принято читать, вопреки начертанию, как ѓ д з ъ, так как исследователям неизвестно слово ѓ и с «двери», существующее и теперь в Удоре

ском районе. Помимо этого, в памятниках еще остались слова с сомнительным чтением или неподдающиеся ясной этимологизации. Из них укажу слово ы в (и в), переводимое обычно как «дальнюю» (дорогу). Чтение сомнительно по фонетическим и смысловым основаниям. Неясна этимология некоторых слов.

Ряд мест остается еще неясным вследствие плохой сохранности оригиналов пермской письменности. Дальнейшее уточнение возможно только при помощи химических средств восстановления текстов.

В связи с этим необходимо указать, что, как установлено реставраторами-художниками, икона троицы имеет несколько наслоений новых записей; не установлено лишь, распространялись ли новые записи также и на нижнюю часть, содержащую основные тексты. Некоторые случаи уже старой реставрации текстов несомненны на местах шпаклевки в разошедших пазах отдельных досок в иконе троицы.

Памятники феодальной коми письменности дошли до нас в незначительном количестве (около 600 слов кириллицей и 230 слов на пермском алфавите). По своему содержанию они относятся, главным образом, к церковной литературе. Лишь вставка в книге «Григория Синаита сочинения» относится к бытовой речи. Древний судебник на коми языке, упоминающийся историком Михайловым, утерян.

По лексическим, семантическим и структурно-грамматическим особенностям и тенденциям литературный язык эпохи раннего феодализма представлял особое качество по сравнению с языком до-феодальным, устным.

Литературная речь — по преимуществу монологическая, культивирующая распространенные типы простых предложений и сложные предложения.

Язык данной эпохи не мог не отражать новых производственных отношений и новых идеологических явлений, связанных с новыми производственными отношениями. Процесс выработки этого языка, правда, не развернулся в полной мере, так как феодальная коми письменность не получила дальнейшего развития.

Мы не знаем, в какой мере литературный язык данной эпохи сообщился массам. Можно лишь утверждать, что некоторые тексты относительно поздней даты отражают устное употребление соответствующих песнопений и т. п.

Это видно из следующего. В памятниках кирилловского письма при передаче с ь и з ь мы имеем два орфографических приема. Часть песнопений «Службы» передает палатальные свистящие, исходя из ш и ж, а другая часть — исходя из с и з. В одних песнопениях мы имеем первичную передачу палатальных свистящих, а в других — более позднюю. При

этом передачу сь и зь на основе ш и ж, т. е. раннюю форму передачи, мы имеем в тех песнопениях, которые употребляются редко, лишь во время отправления треб, а передачу сь и зь на основе с и з—в песнопениях, которые употребляются часто. Песнопения, которые употребляются часто, могли попадать в запись через посредство устной речи. О промежутке времени между моментом составления алфавита, началом возникновения пермской письменности и датой написания более поздних памятников можно утверждать, что он был не менее столетия. Шестой пермский епископ Филофей через 100 лет после начала миссионерской деятельности Стефана был покровителем пермской письменности.

Перейдем теперь к характеристике языка памятников.

Усложнение общественной жизни в эпоху феодализма вызывало появление отвлеченных понятий и соответствующего их выражения в словах. В согласии с этим мы имеем обильное словотворчество, отраженное в памятниках.

Словотворчество проходило четырьмя способами, которые могли комбинироваться: 1) путем использования морфологических средств коми языка, 2) путем словосложения, 3) путем придания словам нового содержания и 4) путем заимствования. Приведем примеры.

1-й способ: лыдьян «чтение» от лыдйыны «читать, считать», нималан «слава» от нималны «слыть», каналан «царствование» от кан «царь», каналны «царствовать», польёс «дух» от польычы «дуть» и т. д.

2-й способ. быдйёз «мир» (все люди), велтыдаланін «небо» (что видно вверху), ледаят «воздух» (место летания), водзшуышьяс «пророки» (предсказыватели) и т. д.

3-й способ вёйтлан «крещение» от вёйтлыны «погружать», вичко «церковь» (жертвенный дом), ен «бог» (небо) и т. д.

4-й способ: херувим, серафим и т. д.

Из структурных особенностей языка памятников обращает на себя внимание специально в литературном использовании возникшее расширение употребления принадлежности падежа — адессива. Он употребляется значительно шире, чем в современных диалектах, — не только при падеже грамматического субъекта, но и при падежах косвенного и даже прямого объекта. Заметим: такое расширение употребления адессива начинает снова входить в литературную практику в наше время.

Характерно также то, что в памятниках мы имеем употребление субъективного строя речи при глаголах чувствен-

ного восприятия там, где в большинстве диалектов мы и в настоящее время находим объективный строй, например г а ж а л а м «хочу, желаю» (в диалектах: м е н а м г а ж б ы р ъ с ы ы с ь букв. «у меня веселее исчезает от этого», к ы д з г а ж ы д «так, как желание» и т. п.). Заметим: субъективный строй предложения при глаголах чувственного восприятия снова намечается в наши дни (в газетной практике—в глагол к ъ с ь я «намереваюсь, собираюсь, предполагаю, обещаю» начинает вкладываться и значение «хочу, желаю»).

Наряду с явлениями, которые выступали под знаком новизны, памятники обнаруживают явления «архаического» порядка, что вполне естественно.

Интересно, что в своем лексико-семантическом составе язык памятников сохранил в довольно сильной степени пережитки идеологии начальных форм классового общества.

В памятниках несколько раз встречается вер, слово со значением «раб» (ср. удм. в а р «раб», в а р н ы л «служанка», в а р а н ы «служить»). По археологическим материалам, Вытегодский бассейн уже в X в. был вовлечен в экономические связи со Средней Азией, с Прибалтикой. Серебряное блюдо с изображением пегаса свидетельствует об опосредствованных связях с Византией. Рабовладение в южных империях не могло не затрагивать косвенно тех народов, которые входили в орбиту их влияния, в том числе и коми.

Памятники хорошо знают слово ок с ы «князь». Наряду с ним встречаются слова к а н «царь», к а н а л а н «царствование», К а н к а р «Москва» (Лепехин).

Из структурных особенностей памятников обращает на себя внимание, как «архаизм», употребление аблатива (падежа на л ы с ь) в роли не только принадлежностного, но—согласно происхождению—и местного падежа (м а т ы н с ы л ы с ь «недалеко от него»). В современном коми языке этот падеж имеет только принадлежностное значение (м ы й к ъ б о с ь т н ы с ы л ы с ь «что-нибудь взять у него»). В удмуртском языке местное значение еще сохраняется (г о р о д л э с ь д ж у ж а н п а л а н «на восток от города»).

Возможно, что фонетический «архаизм» следует видеть в незнании памятников с переходом л (в соответствующих условиях) в в. Этот переход—по крайней мере на части территории, где мы его в настоящее время находим—имеет не слишком древнюю хронологическую дату. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в русских наименованиях коми населенных пунктов нередко сохраняется в речи местного коми населения уже исчезнувшее л: О з ё л (населенный пункт около г. Сыктывкара) и др. Ср. Я г у л, Я г в е л ь, т. е. Я г-ул, урочища около населенного пункта Черва с русским

населением, д. Пылавыл в 60 км ниже г. Яренска, тоже с русским населением, и т. д.

Иногда приходится колебаться в вопросе, что перед нами — «архаизм» или выражение своеобразной диалектологической основы языка памятников.

Так дело обстоит, например, со словом кылдаш (т. е. кылдась) «повелитель, архистратиг», которое в современном коми языке не имеет соответствий, но имеет его в удмуртском языке — кылдысин, кылчин «господин, ангел».

Что язык памятников имел весьма своеобразную диалектологическую основу, в этом не может быть никакого сомнения.

Особенно характерны глагольные формы, которые не могут быть связаны ни с одним из современных диалектов. Их лично-числовые признаки: -м, -н, -с; -м -ным, -д -ныд, -с -ныс. Если в -м можно видеть «архаистически» сохраненный конечный согласный, в -д -ныд видеть предшественника совр. -нныд, в -с -ныс видеть параллель современному северному -(с)ныс, — то в -м -ным приходится видеть нечто, что идет совершенно в разрез с общераспространенным в настоящее время -м; -м -ным имеет одно происхождение, а -м другое.

Ряд особенностей языка памятников тянет нас к современным северным диалектам, особенно к удорскому, но кое-что — и к южным.

Так, встречающееся в памятниках õ и с «открытый» связывается с современным удорским õ и с (вычегодск. во сь с а), кундыны в значении «зарыть, похоронить» — с современным ижемским кундыны «зарыть», карта в значении «дом, хозяйство» — с современным ижемским карта (картаэпырны «войти в дом жены»).

Употребляемая в памятниках и-овая огласовка спрягаемого отрицания в прошедшем времени является северной огласовкой, которая противостоит южной э-овой.

Из употребляемых в памятниках суффиксов множественности -йõс соответствуют совр. удорскому суффиксу.

Изменение не только тывйт, но и дъвйд тоже может быть охарактеризовано как северное явление (не только войтыр «народ» из вотыр, ср. пермяк. отир и т. д., но и койд «как» из кодъ, ср. южн. кодъ, и т. д.).

Добавим, что встречающееся в памятниках воддза «против» представляет северную переработку некогда существовавшего водзся. На юге переработка пошла в ином направлении — во ча.

С другой стороны, встречающееся в памятниках кодõрт «память» связывается с южным кодралны «поминать».